

УДК 94(470+570)"1930"

doi 10.17072/2219-3111-2019-1-148-152

«ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ», ВЫХОДНЫЕ ДНИ. НАЧАЛО 1930-Х ГОДОВ

Ю. Л. Слезкин

Калифорнийский университет, США, Беркли, Калифорния, 94720, Спроул Холл, 110
slezkine@berkeley.edu

В издательстве «Corpus» в 2019 г. выходит книга Ю.Л. Слезкина «Дом правительства. Сага о русской революции» (М.: Corpus, 2019), уже вызвавшая широкое обсуждение в профессиональной среде. Издательство дает книге следующую характеристику: "Дом правительства" не похож ни на одну другую книгу о русской революции и советской власти. Документальное повествование Юрия Слезкина, сопоставимое с великими литературными эпопеями, такими как "Война и мир" Толстого, "Жизнь и судьба" Гроссмана, "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына, рассказывает о судьбах обитателей престижного жилищного комплекса, Дома правительства, ныне известного как Дом на набережной. Несгибаемые большевики, строители нового мира, закаленные в тюрьмах и ссылках, преобразуются в высокопоставленных чиновников, обрастают семьями и бытом, проходят сталинские чистки, казнят врагов народа и сами идут на казнь. Новый мир остается их детям... Из огромного массива архивных материалов, писем, дневников, интервью, дополненных редкими фотографиями, рождается уникальная сага о Доме правительства – зачарованном замке, населенном призраками ушедшей эпохи». Публикуемый с разрешения издательства фрагмент позволяет составить представление о специфике этой полемической книги.

Ключевые слова: сталинизм, «Дом на набережной», история досуга, советская политическая элита.

Семьи просыпались под звуки радио. Во всех квартирах была радиоточка в виде черной «тарелки» в кухне или столовой. Радио никогда не выключалось, но утром в выходные дни его «делали погромче» и активно слушали. В праздничную программу входили передачи для детей, советская и классическая музыка, а ближе к вечеру – трансляции опер, концертов и спектаклей. За содержание программ и всесоюзную радиосеть отвечал главный специалист по рационализации времени и трудовой этики Платон Керженцев, с 1933 по 1936 год председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК. Помимо радиоточки у него был немецкий ламповый приемник, который он держал в кабинете (Интервью с Н.П. Керженцевой ...).

Все мужчины читали газеты (а значит, и многочисленные фельетоны Кольцова). Некоторые отдыхали от работы, работая над собой. Осинский занимался Гегелем и высшей математикой, Аросев писал романы и вел дневник. Почти все читали художественную литературу – в основном те же книги, что в тюрьме и в ссылке, за исключением русской революционно-демократической традиции (Чернышевский, Кравчинский, Горький) и бельгийского и скандинавского модернизма, которые не вписывались в культуру исполненного пророчества и постепенно выпали из канона. Обязательными остались «Памирь» европейской литературы (Данте, Сервантес, Шекспир, Гете), русская классика во главе с Пушкиным и Толстым и европейский роман, особенно Диккенс и Бальзак. Приключенческие книги для мальчиков делились на две группы: исторические романы начала XIX века, переосмысленные как литература для подростков (Вальтер Скотт, Фенимор Купер, Александр Дюма), и литература колониальной экзотики, пик популярности которой совпал с юностью старых большевиков (Майн Рид, Стивенсон, Жюль Верн, Буссенар и Джек Лондон). Из современных писателей самым популярным был Ромэн Роллан, воспринимавшийся как второе пришествие героического реализма (и его любимых героев – Бетховена и Толстого). Советскую литературу почти никто не читал, кроме специалистов, отвечавших за ее создание и распространение. Главное исключение составляли детские книги (в том числе популярная среди подростков «Как закалялась сталь») и «Петр I» Алексея Толстого (строительно-творительный роман в форме исторической эпопеи).

Другими популярными занятиями были фотография и шахматы. Фотоаппараты часто привозили из-за границы вместе с патефонами и одеждой, и многие мужчины часами проявляли и печата-

тали в запертых ваннах (Иван Краваль оборудовал студию у себя в столовой). Шахматы, как и книги, позволяли сочетать культурный престиж с домашним развлечением. Керженцев вырезал отчеты о матчах из газет, хранил их в определенном порядке и подолгу разыгрывал и анализировал. Для большинства шахматы служили средством общения. Яков Бранденбургский играл с наркомом юстиции и председателем всесоюзной шахматно-шашечной секции Н.В. Крыленко, Ромуальд Муклевич – с начальником Главного управления Гражданского воздушного флота и земляком-поляком Иосифом Уншлихтом. Отцы часто играли с сыновьями. Сын Керженцева (от первого брака) рано умер, и он пытался играть с дочерью Натальей, которая предпочитала другие развлечения. Секретарь ЦК Комсомола Серафим Богачев играл со своей женой Лидией. «Сима очень любил шахматы, – вспоминала она, – и мы с ним вечерами, когда было свободное время, усаживались. Он говорил: “Кончай свою математику, давай будем в шахматы с тобой играть”» (Аграчева, с. 10; Муклевич; Интервью с Н.П. Керженцевой..., Интервью с Л.А. Козловой...).

Многие родители, особенно отцы, проводили выходные с детьми: играли, читали и водили в театр, в кино (обычно в «Ударник» и, в конце 1930-х, в Первый Детский, в зале Нового театра), в Третьяковскую галерею (по другую сторону Канавы), в Пушкинский музей (по другую сторону реки) и в Парк Горького (куда шли сначала вдоль Канавы, а потом вдоль реки). Особенно любили Парк Горького. В 1935 году новая жена Кольцова, Мария Остен, опубликовала книгу от имени десятилетнего немецкого мальчика, которого они с Кольцовым усыновили в Сааре и привезли в Дом правительства. Книга называлась «Губерт в стране чудес». Одним из чудес был Парк Горького, где Губерт побывал весной 1934 года, вскоре после приезда:

Площадки, аллеи и дорожки были превращены в зеркально-гладкие катки. Были тут катки и для начинающих, и для массового и фигурного катания, площадка игр и аттракционов. По вечерам они были ярко освещены, играли красноармейские оркестры. В глубине парка находилась лыжная станция, которая тянулась до самых Ленинских гор. Немало прекрасных часов провел я зимою в Парке культуры и отдыха, катаясь то на коньках, то на лыжах или салазках.

В следующий раз он был в парке весной:

Повсюду красят, строят, пишут лозунги. Цирк уже готов, лодки-качели открыты. Перед театром и кино вывешиваются афиши о новых постановках. Гигантское колесо, вышка для парашютных прыжков, скетинг-ринг... Я не знаю, куда направиться и с чего начать.

Бегаю, как по лабиринту, то туда, то сюда. Комната смеха. Читальня. Ресторан. Детский городок. Водная станция... Из павильона доносятся звуки оркестра. Подальше играют на гармошке. Где-то танцуют фокстрот. В другом месте обучают народным танцам. Я смотрю на публику, и мне кажется, что каждый стремится к какой-то определенной цели. Лишь я один растерянно мечусь взад и вперед. Это потому, что для меня все ново.

В Парке культуры и отдыха я провел немало веселых дней. Я бывал там не один. Подружился с новыми ребятами, ходил со школьными товарищами. Мы купались, катались на лодке, занимались физкультурой, вертелись на колесе смеха, катались на роликах, ходили в театр, кино и цирк. К сожалению, нам еще не разрешали прыгать с парашютом, так как мы слишком легки, но зато мы часами смотрели, как прыгают другие (Остен, 1935, с. 115–116; Театральная Москва, 1935, с. 264).

«Губерт в стране чудес» вышел в специальном выпуске кольцовского «Огонька». Как отмечал в предисловии к книге Георгий Димитров, если советские дети хотят походить на героя-антифашиста Георгия Димитрова, они должны знать историю Губерта. «Быть как Димитров, – писал Димитров, – значит быть последовательным пролетарским бойцом», а быть последовательным пролетарским бойцом – значит знать разницу «между радостным, правдивым миром социализма и подлым, изолгавшимся, кровожадным миром фашизма». Большинство соседей Губерта и Димитрова по Дому правительства хотели быть как Димитров и любили ходить в Парк Горького. Дочь Бориса Волина Виктория, которой в 1935 году исполнилось четырнадцать, смотрела там кино, танцевала на балах, ела мороженое, каталась на коньках и гуляла. «Гуляли. Гуляли, гуляли, гуляли...

Целовались, гуляли. Все было». В 1935 году в парке было двадцать аттракционов. Кроме тех, которые назвал Губерт, были карусели, «Сталкивающиеся автомобили», «Вниз головой» и «Комната чудес». К категории «Музыка и песня» относились ежедневные симфонические концерты, не менее десяти оркестров, «массовое пение» на площади Пятилетки и на Ленинской площади и музыкальный центр, в который входили Кабинет музыкальных аттракционов, Кабинет слушания грампластинок и Кабинет музыканта любителя-одиночки. Театральные представления проходили в Зеленом театре на 20 тысяч мест, Закрытом театре на 1270 мест, Музыкальном театре на 1500 мест, Малом драматическом театре, цирке Шапито (два спектакля в день) и Театре для детей на Алее пионеров (Остен, 1935, с. 4; Интервью с В.Б. Волиной...; Театральная Москва, 1935, с. 263–264; Kucher, 2007, S. 109–113).

Театр был повсюду: в театрах, школах, парках, квартирах и детских садах. Актеры и режиссеры московских театров были предметом поклонения, героями сплетен и желанными гостями. Самыми популярными театрами были Большой, Малый, МХАТ, Вахтангова и, в меньшей степени, Камерный и Новый. Жители Дома предпочитали классический репертуар, не любили Мейерхольда и считали своим долгом ходить на балет (в Большом театре номенклатурные работники и их семьи имели право на места в царской ложе).

Выходной Аросева 24 сентября 1934 года не отличался от любого другого.

Детей отправил в Парк культуры Горького. Одевался, умывался. Играл с сыном. За детьми, и в театр. «Кармен». Оставил там детей. Сам – в книжные магазины. Купил много интересного. Особенно доволен Петраркой.

Столовая СНК. Звонил Кагановичу. Он уехал в город, звонил в Кремль – еще не приехал.

За детьми. Отвел обедать в столовую СНК, сам в библиотеке столовой читал Ал. Толстого «Петр I».

Домой.

Читал Петрарку. Положительно нет того, кто бы не бился над вопросом о смерти!

Балет в консерватории. Очень хорошая Мария Борисова из студии Дункан. Острая женщина.

Читал Петрарку (Аросева, 2012, запись от 24 сентября 1934 г.).

Дома Аросев устраивал домашние спектакли, в которых участвовали его младшие дочери, Ольга и Елена. (Старшая дочь Наталья жила с новой семьей матери в коммунальной квартире; Ольга и Елена жили с отцом, воспитательницей и домработницей; сын Дима жил с матерью в соседней квартире; Аросев делил время между младшими дочерьми и новой женой с сыном.). Феликс Кон играл с женой и друзьями в шарады; жена Осинского Екатерина Смирнова играла с детьми в «литературные игры» (Аросева, 2012; Интервью с В.Д. Шварц...; Интервью с С.В. Оболенской...).

В литературные игры можно было играть по-разному. У дочерей Аросева был книжный шкаф с большой полкой.

Он ставил на эту полку книги, довольно много книг, и мы должны были за неделю все это прочитать. Мало того, надо было письменно или устно рассказать, что же мы прочли. Это чтобы мы не хитрили, уверяя, что прочли, а на самом деле схалтурили. Но заставлять нас было не надо, мы любили читать и читали до ночи. Спать мы ложились поздно, потому что всегда ждали отца, ведь у него очень часто были вечерние приемы в ВОКСе¹. Мы всегда прислушивались, по звуку лифта определяли, на каком этаже он остановился, и когда слышали, как в замок вставляется ключ, быстро ложились в кровать и притворялись спящими. Папа заходил, думая, что мы спим, целовал нас, а потом или уходил в квартиру 103, или ложился спать (Аросева, 2012).

Большинство отцов внимательно следили за чтением своих детей, которое мало чем отличалось от их собственного чтения в тюрьмах и ссылках. Осинский, по воспоминаниям его дочери Светланы, «очень к этому относился строго. И считал, что без его разрешения брать с полки его книги нельзя. Однажды только я помню, в его кабинете никого не было, и как-то он не ожидался, и я взяла Данте и смотрела “Божественную комедию” с рисунками Доре ужасно страшными. А в этот

момент он вошел. Но он не ругался, а сказал, что время придет – мы будем Данте читать» (Интервью с С.В. Оболенской...).

Чтение вслух было традиционной формой общения в дворянской и интеллигентской среде, важным способом создания и поддержания духовной близости и неотъемлемой частью подпольного быта старых большевиков. Осинский в детстве слушал, как читает его отец, а потом сам читал своим единовецам и Анне Шатерниковой (их связь продолжалась в 1930-е годы). Теперь пришел черед детей.

Не так часто, но и не так уж редко он читал нам вслух. Был разработан ритуал. Мы садились на диване, по очереди кто-то из нас троих сидел рядом с ним. Он сам заготавливал для нас какое-то питье, которое мы называли вином (думаю, что это был разбавленный фруктовый сироп), каждому давал стаканчик. Открывал книгу, и начиналось бесконечное наслаждение; в конце неизменно просили: папа, еще! И папа не оставался глухим к нашим просьбам. Что он нам читал? Детские книги, может быть, читала нам мама, читали, конечно, и сами (я выучилась читать в три года, чем вызывала всеобщее удивление. Однажды при гостях мне дали газету, и, сильно картавя, я бойко прочла: новости рынка) – Маршака, Чуковского, позже – Кассиля, Гайдара. А с папой? Помню, как читали Жюль Верна. Открывались огромные, в кожаных переплетах, тяжелые атласы, по которым следили путь кораблей и разыскивали места, где находился Таинственный остров или высаживались дети капитана Гранта. Папа читал нам Диккенса, особенно мы любили «Большие ожидания» с их смешным началом. Слова «То-то будит весила»², обращенные Джо Гарднери к маленькому Пипу, стали нашими домашними... «Песнь о Гайавате» местами я знала наизусть с папиных слов. Гоголь – «Страшная месть», «Заколдованное место», «Майская ночь», «Иван Иванович и Иван Никифорович», а потом и «Мертвые души», Некрасов, которого он особенно любил, Тургенев, особенно «Записки охотника»; рассказы и «Степь» Чехова; Короленко; «Записки из мертвого дома» Достоевского, «Детство» Толстого, Оскар Уайльд, Гюго, Доде, Гофман, Гейне (и на немецком языке тоже), Киплинг. Пушкина читали мало — «Капитанскую дочку», «Кирджали», «Песни западных славян». Пушкина он только собирался нам читать, очень его любил (Оболенская)

Керженцев, победивший Осинского на дебатах в гимназии № 7 в 1905 году, читал своей дочери Диккенса, Пушкина и Гоголя. Аросев читал дочерям «Мертвые души» за день до того, как повести их на «Мертвые души» во МХАТ (в свой выходной 30 мая 1935 года). Директор архива Наркомата иностранных дел и бывший торгпред в Турции Аким Юрьев читал своей дочери Гиббона. Не исключено, что его вдохновил всеобщий любимец (Интервью с Н.П. Керженцевой...; Аросева, запись от 29 мая 1935 г.; Интервью с Н.А. Юрьевой...).

– Я ее купил на распродаже, – сказал мистер Боффин. – Восемь томов, красные с золотом. В каждом томе алая лента, чтоб закладывать место, на котором останешься. Вы знаете эту книжку?

– А как она называется, сэр? – осведомился Сайлас.

– Я думал, может, вы и так ее знаете, – несколько разочаровавшись, сказал мистер Боффин. – Она называется «Упадок... и... разрушение русской империи» (Мистер Боффин одолевал эти камни преткновения медленно и с большой осторожностью.)

– Ах, вот как! – И мистер Вегг кивнул головой, словно узнавая старого друга.

– Вы ее знаете, Вегг?

– Последнее время мне как-то не приходилось в нее заглядывать, – отвечал мистер Вегг, – был занят другими делами, мистер Боффин. Ну, а насчет того, знаю ли я ее? Еще бы, сэр! (Диккенс).

Примечания

¹ ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с границей.

² «То-то будит весила» – фраза из письма Пипа к Джо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Kucher K.* Der Gorki-Park: Freizeitkultur im Stalinismus 1928–1941. Cologne: Böhlau, 2007.
Аграчева, «Член партии с 1903 г.». С. 10.
Аросева О. Прожившая дважды. М.: АСТ, 2012. URL: <http://lib.rus.ec/b/387149/read> (дата обращения: 24.01.2019).
Диккенс Ч. Наш общий друг / пер.с англ. В. Топер. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/19660/6/Dikkens_-_Nash_obshchiii_drug_Tom_1.html (дата обращения: 24.01.2019).
Интервью автора с В.Б. Воиной, 18 сентября 1997 г.
Интервью автора с В.Д. Шварц, 10 декабря 1998 г.
Интервью автора с Л.А. Козловой (Богачевой), 24 сентября 1997 г.
Интервью автора с Н. П. Керженцевой, 12 января 1998 г.
Интервью автора с Н.А. Юрьевой, 21 августа 1998 г.
Интервью автора с Н.П. Керженцевой, 12 января 1998 г.
Интервью автора с С.В. Оболенской (Осинской), 26 марта 1998 г.
Муклевич И. «Дорогой друг», рукопись в папке «Муклевич» // Архив музея «Дом на набережной»
Оболенская. Из воспоминаний. URL: http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/01.shtml (дата обращения: 24.01.2019).
Остен М. Губерт в стране чудес. М.: Жургаз, 1935.
Театральная Москва, сезон 1935 / Издание управления театрами НКП РСФСР. М., 1935.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.10.2018

"HOUSE ON THE EMBANKMENT", WEEKEND. EARLY 1930s

Yu. L. Slezkin

University of California, Sproul Hall, 110, 94720, Berkeley, California, USA
slezkine@berkeley.edu

In 2019, the Corpus publishing house will publish the book "Government House. The Saga of the Russian Revolution" by Yu.L. Slezkin (Corpus, Moscow), which has already sparked a wide discussion in academic circles. The publishing house gives the book the following description: "Government House" is not similar to any other book about the Russian revolution and the Soviet power. Yuri Slezkin's documentary narrative, comparable to the great literary epics, such as Tolstoy's "War and Peace", Grossman's "Life and Fate", Solzhenitsyn's "GULAG Archipelago", tells about the fate of the inhabitants of the prestigious housing complex, Government House, now known as the House on the Embankment. The inflexible Bolsheviks, the builders of the new world, hardened in prisons and exile, turn into high-ranking officials, overgrown with families and everyday life, undergo Stalin's purges, execute the enemies of the people, and go to execution themselves. A new world remains for their children. From the vast array of archival materials, letters, diaries, interviews, supplemented with rare photographs, a unique saga about the Government House as the enchanted castle inhabited by ghosts of a bygone era is born". The fragment published below helps to understand the specifics of this polemical book. Published with permission of the publisher.

Key words: Stalinism, "House on the Embankment", history of leisure, the Soviet political elite.

References

- Aroseva, O. (2012), *Prozhivshaya dvazhdy* [Lived twice], AST, Moscow, Russia, 384 p., available at: URL: <http://lib.rus.ec/b/387149/read> (accessed 24.01.2019).
Dikkens, Ch. (w.d.), *Nash obshchiiy drug* [Our mutual friend], available at: URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/19660/6/Dikkens_-_Nash_obshchiii_drug_Tom_1.html (accessed 24.01.2019).
Kucher, K. (2007), *Der Gorki-Park: Freizeitkultur im Stalinismus 1928–1941*, Böhlau, Cologne, Deutschland.
Obolenskaya, S.V. (w.d.), *Iz vospominaniy* [From the memories], available at: URL: http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/01.shtml (accessed 24.01.2019).
Osten, M. (1935), *Gubert v strane chudes* [Hubert in Wonderland], Zhurgaz, Moscow, Russia.
"Theater Moscow, season of 1935" (1935), in *Izдание upravleniya teatrami NKP RSFSR* [Edition of the direction of theaters NKP RSFSR], w.p, Moscow, Russia.